

ПИСЬМА ПАВЛА
КЪ
СВОЕМУ СЕМЕЙСТВУ.

—♦♦♦—
СОЧИНЕНІЕ

Сирѣ - Валтера Скотта.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Г... П... вѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

—♦♦♦♦♦—
МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1827 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1827 года, Маія 5 дня. Сію рукопись разсматривалъ Ординарный Профессоръ Надворный Совѣшникъ

Федоръ Денисовъ.

ПИСЬМА ПАВЛА
КЪ
СВОЕМУ СЕМЕЙСТВУ.

ПИСЬМО XIV.

Павель къ Маіору.

Жадноспѣ ваша, любезный Маіоръ, къ военнымъ подробностямъ доспойна челоуѣка, присушспвовавшаго при защипѣ Бергопзона въ 1747 году; она не удовольспвовалась даже длиннымъ письмомъ, опсправленнымъ мною изъ Ваперлоо. Теперъ я окруженъ войсками всѣхъ націй. Но какъ описать вамъ сцену, споль блистательную, разнообразную и вмѣспѣ споль-

*

ко ужасную и новую для глазъ моихъ? Это довольно трудно. Парижъ представляеиъ теперь обширный лагерь, составленный изъ солдатъ почти всей Европы; онъ находится подъ присмотромъ Прусскаго Барона Муфлинга, управляющаго союзными войсками. Вамъ конечно не безызвѣстны обстоятельство, предшествовавшія сему необыкновенному перевороту; позвольте мнѣ однакожь упомянуть объ нихъ въ краткихъ словахъ.

Послѣ пораженія Французской арміи при Ватерлоо, дивизія, находившаяся подъ командою Вандама и Груши, осталась цѣлою. Сии Генералы, посредствомъ искуснаго отступленія, не только спасли ее отъ угрожавшей гибели, но еще успѣли присоединить къ ней большую часть остатковъ главной арміи. По прибытіи въ Парижъ, они нашли дѣла въ самомъ затруднительномъ положеніи. Убѣжавъ съ Ватерлосскаго

поля, Бонапарть первый привезъ въ знаменистую столицу Франціи извѣстіе о своей неудачѣ. Онъ думалъ, что Либералы, при сей крайности, примуть сильное участіе въ судьбѣ его, снова вручатъ ему всю власъ, какую только можете единодушіе доставившъ Диктатору и употребившъ послѣднія усилія для его защиты. Но онъ измѣрялъ свое вліяніе по прошедшимъ, а не по настоящимъ обстоятельствомъ. Спрахъ, удерживавшій прежнихъ его сообщниковъ въ должныхъ предѣлахъ уваженія, уже исчезъ. Они поспѣхъ дали ему почувствовать, что обстоятельства требовали отъ него совершеннаго отрѣченія, и грозно вызывали предъ себя его Министровъ, спараясь прибавить въ свои руки бразды правленія.

Наполеону не оставалось ничего болѣе, какъ презрѣть ихъ угрозы или опречься отъ короны. Въ первомъ случаѣ онъ могъ бы разогнать сіе возмущительное скопище, ибо вой-

ски и чернь Парижская были на его сторонѣ; но онѣ не имѣли нужной для сего рѣшительности. Напрасно братъ его Лукіанъ, вспутившій снова на опасное поприще политики и желавшій возбудить въ немъ прежнюю смѣлость, совѣщивалъ ему выгнать изъ присудившихъ Палатъ всѣхъ бунтовщиковъ помощію войскъ и овладѣть полною властію; онѣ мало надѣялся на успѣхъ, да и самый успѣхъ принудилъ бы его жить и умерѣть вмѣстѣ съ сими войсками, что ему было весьма непріятно. И такъ онѣ вознамѣрился увидящую перлами корону свою возложить на главу юнаго своего сына. Собраніе спаралось уклониться отъ такого предложенія— и приверженцы Бонапарша получили весьма сомнительное согласіе касательно сего условія. Лукіанъ сильно ходатайствовалъ за брата, а Лабедоеръ горячился, но всѣ ихъ усилія были тщетны. Палаты, захвативъ въ руки свои крапковре-

менную и ненадежную власть, завели споръ, который невольно напоминаетъ извѣстные слова Свифта объ одномъ клубѣ:— *Вотъ они опять на своихъ скамьяхъ — и чувствуя себя счастливыми на этотъ разъ, опять принялись за законы.*

Вмѣсто того, чтобы приступить къ дѣятельнымъ приготовленіямъ для отраженія иностранцевъ, Парижскіе Сенаторы занялись опвлеченными теоріями и смѣшными прѣніями о формѣ правленія. Одинъ членъ, приверженный къ положительному законодательству, пожелалъ узнать разстояніе, какое находилось между Парижемъ и Сень-Каншенемъ (погдашнею главною квартирою Лорда Веллингтона); но его тотчасъ принудили замолчать, какъ человека, отдалившагося отъ настоящаго своего предмета; однакожь вопросъ его былъ не неуспѣшенъ: хотя армія Груши и прибыла въ столицу, но въ слѣдъ за нею

шли союзники. Палаты, которыя переняли уже всѣ старыя замашки и языкъ конвенша, выбрали изъ среды себя депутатовъ, кои должны были увѣрять солдатъ, что члены Палатъ гословы спашь въ ряды ихъ и что для тѣхъ, которые падуть въ сей великой борьбѣ, день смерти будетъ днемъ новой жизни. Говорятъ, что Г. Гарнье, вовсе не привыкшій къ такому языку, хотѣлъ сказать *днемъ безсмертія*, но сіе неприличное выраженіе совершенно ослабило дѣйствіе его краснорѣчія.

И такъ депутаты, опоясавшись прехвѣщными шарфами, отправились; они говорили солдатамъ о естественныхъ началахъ свободы, о ненарушимыхъ правахъ человека, и для единодушнаго восклицанія предлагали имъ сіи слова: *да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ свобода!* Но ихъ увѣщанія не слишкомъ много подѣйствовали на воиновъ, которые отзывались имъ только кри-

комъ: да здравствуетъ Императоръ! Денушаты старались отнестися сѣмъ восклицаніямъ къ Наполеону II — и поблагодаривъ, подобно Герцогу Буккингаму, своихъ вѣрныхъ друзей и согражданъ за чувства, коихъ они не обнаруживали, возвратились въ палаты, чтобы отдать отчетъ въ своемъ посольствѣ. Былъ однакожь одинъ пунктъ, въ которомъ Французскіе солдаты согласовались съ законодательнымъ собраніемъ, именно въ твердой рѣшимости, — основанной на сознаніи собственной вины и страхѣ наказанія, — сопротивляясь всѣми силами возстановленію законнаго Монарха, хотя всѣ умные люди во Франціи знали по опыту, что оно оставалось единственнѣйшимъ средствомъ къ спасенію Государства отъ совершенной гибели. Касательно сего пункта производились самые жаркіе споры, производились самыя буйныя рѣшенія; особенно нижняя палата доказала,

что ей не доспавало только времени и силы, чтобы возобновить анархію революціи, такъ точно, какъ она переняла ея языкъ.

Безпокойство палаты составляло разительную противоположность съ равнодушіемъ того, который возбуждалъ сію бурю: онъ безпрестанно разъѣзжалъ по Парижу; то отправлялся въ Елизе - Бурбонъ, то въ Маль - Мезонъ и обратно; вездѣ давалъ праздники и дѣлалъ приготовленія къ опѣздѣ, о цѣли котораго ни кто не зналъ. Все сіе производилъ онъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ простой путешественникъ, вознамѣрившійся провести во Франціи нѣсколько времени.

Для довершенія своего приговора, онъ потребовалъ отъ палаты экземпляръ какого-то сочиненія, которое онъ желалъ имѣть у себя. — Наконецъ приближеніе союзниковъ ускорило опѣздъ его; и когда они были уже въ шрехъ миляхъ отъ Па-

рижа, онъ рѣшишельно оставилъ столицу, которую за нѣсколько дней предъ тѣмъ называлъ своею. — Палаты рѣшились было защищаться, но недоспашокъ средствъ совершенно воспрепятствовалъ исполненію сего намѣренія.

Говоряшъ, что Бонапарть еще до отпѣзда своего изъ Парижа, совѣтовался съ Карно о матеріалахъ, необходимыхъ для защиты столицы, и что сей послѣдній оцѣнилъ ихъ въ двѣсти милліоновъ, прилагая къ тому трехгодишный трудъ. — Не смотря на все сіе, ошвѣчалъ Эксъ-Императоръ, довольно будетъ шесшидесяти тысячъ хорошаго войска и двадцати-четырехъ часоваго приступа, чтобы взять городъ.

Однакожь Бонапарть сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія къ исполненію сего гигантскаго предпріянія. Монмартскія высопы были укрѣплены съ большимъ стараніемъ. Деревня Сенъ-Дени снабжена была

сильнымъ гарнизономъ, кромѣ того въ сѣверной части города произведено было затопленіе посредствомъ отведенія двухъ потоковъ въ недостроенный Урьскій каналъ, коего высокіе берега представляли весьма крѣпкую позицію.

Чернь Парижская занималась работою въ сихъ мѣстахъ съ энтузіазмомъ, который не уступалъ самымъ буйнымъ порывамъ революціоннаго бѣшенства. Приближеніе Англійской и Прусской арміи, которыя въ случаѣ нужды, могли бытъ подкрѣплены всѣми Русскими и Австрійскими войсками, ни мало не охлаждало жаръ Французовъ. Они твердо были увѣрены, что Парижъ не иначе могъ бытъ взятъ, какъ измѣною, и съ гордостію повсоряли, что они имѣютъ еще Массену, Сульша и Даву (столько же знаменитыхъ по своимъ воинскимъ талантамъ, какъ и по грабительству). Хотя крѣпкое положеніе сѣверной части города могло нѣ-

сколько оправдать сію минушнюю увѣренность, за то противоположная спорона онаго была совершенно открыта, кромѣ Медонскихъ и Сень-Клудскихъ высотъ и Иссійскаго погоста. Оба сіи пункты могли нѣкопое время защищать обширную равнину, которая окружала южную часть Парижа и не представляла ни какихъ средствъ къ защитѣ, кромѣ малаго числа ретраншаментовъ, домовъ и садовъ съ высокими заборами, въ коихъ сдѣланы были опверсіи для стрѣльбы. — Съ сей-по спороны союзные Генералы рѣшились начать атаку. 30 Іюня Блюхеръ перешелъ Сену близъ Сень-Жермена и занявъ Версаль, грозилъ Французскимъ позиціямъ, находившимся при Медонѣ, Иссѣ и на высотахъ Сень-Клудскихъ, между тѣмъ, какъ Герцогъ Веллингтонъ, остановясь въ Гонессѣ, открылъ сообщеніе съ Прусаками чрезъ мостъ Аржентёильскій. Французы, не смотря на свое

отчаянное положеніе, не теряли бодрости; лучъ славы еще разъ заблесталъ на ихъ оружіи. Генераль Эксельманъ произвелъ атаку съ такимъ искусствомъ, что удивилъ Прусакъ, занимавшихъ Версаль и взялъ въ плѣнъ небольшой отрядъ кавалеристовъ; но Французы въ свою очередь были атакованы, сбиты съ высотъ Сень-Клудскихъ, Иссійскихъ и Меодонскихъ и принуждены запереться въ самомъ городѣ. Сіе пораженіе произошло 2 Іюля — и Блюхеръ шопчасъ отправилъ своего Адъютанта къ Англійскому Генералу съ просьбою, чтобы сей прислалъ ему одну батарею изъ Конгревовыхъ ракетъ для довершенія удара, который онъ замышлялъ нанести осажденнымъ.

Между тѣмъ честные Парижане спрашивались своихъ защитниковъ сколько же, какъ и непріятелей; жаръ Французскихъ солдатъ превратился въ настоящее бѣшенство — и

чернь, воодушевленная подобнымъ энтузіазмомъ, изрыгала спрашныя угрозы и проклятія, какъ на союзниковъ, такъ и на Парижанъ, благопріятствовавшихъ законному правленію.

Въ такомъ-то положеніи находилъ ся сей гарнизонъ, опасный для столицы столько же, какъ самый злѣйшій ея непріятель, когда союзники заключили условія капитуляціи съ Массеною, который, въ сіе критическое время, былъ въ качествѣ главнокомандующаго Французскими войсками. — Такимъ образомъ участь Парижа еще разъ предана была великодушію Европы и царица провинцій снова содѣлалась рабою.

Я слышалъ споры нѣкоторыхъ жаркихъ полишниковъ - домосѣдовъ, которые изъявляли желаніе, чтобы Парижъ былъ сожженъ и разграбленъ; но сіе желаніе, произнесенное въ жару патристической ревности и оскорбленнаго самолюбія, не весьма